

Е. Э. Бабаева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

ОБ ОДНОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ МИФЕ: СЛУЧАЙ *COQUELUCHE**

В статье рассматривается история французского слова *coqueluche*. Подвергается критической оценке традиция лексикографического описания слова во французских словарях XVI–XXI веков. В рамках этой традиции слово *coqueluche* имеет два значения, между которыми не прослеживается никакой семантической связи: ‘коклюш’ (название болезни) и ‘всеобщий любимец, звезда’. Этимологические сведения, содержащиеся в словаре, также не позволяют ожидать такого рода многозначности, поскольку в качестве первичного восстанавливается значение ‘головной убор’. В статье предлагается новый подход к объяснению данного феномена: вместо многозначности слова *coqueluche* следует говорить об омонимии трех разных слов, возникших примерно в одно время. Два из них *coqueluche(on)* ‘головной убор’ и *coqueluche* ‘коклюш’ возникли в XV веке, а третья *coqueluche* ‘любимец публики’ — в XVI веке. Если первый омоним можно связывать с лат. *cucullus*, то два последних очевидно имеют в качестве мотивирующего существительное *coq*, обладающее многочисленными коннотациями. В статье используются историко-семантический и этимологический подходы. Привлечен богатый лексикографический материал, памятники истории медицины и истории костюма, другие исторические документы.

Ключевые слова: лексикология, семантика, значение слова, историческая семантика, история понятий, диахрония, этимология, лексикография, полисемия, омонимия.

Жан и Клод Дюбуа в книге, посвященной теоретическим аспектам лексикографии, отмечали, что словарь — не совсем книга, или даже совсем не книга,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных научных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность» на 2015-2017 гг., проект «Основной лексический фонд русского языка как элемент русской культуры: системная организация лексики и ее отражение в словаре».

поскольку он не предназначен для того, чтобы его читать: «В словаре ищут ответы на вопросы, с ним консультируются, но его не читают»¹. Словарь, в частности, отвечает на вопрос о границах слова, с одной стороны, различая случаи омонимии, а с другой стороны, упорядочивая информацию о значениях слова, т.е. фиксируя его внутреннее семантическое устройство. Описание омонимии и полисемии в каждом конкретном случае, в сущности, есть некоторая гипотеза относительно отсутствия или наличия актуальной для носителя языка на данном синхронном срезе преемственности смыслов.

Фиксация полисемии в словаре подразумевает, что между отдельными значениями слова или же между его значениями и этимоном² существует семантическая связь. Указание на такую связь некоторым эксплицитным способом (например, при помощи системы нумерации блоков значений и нумерации самих значений) может, в принципе, являться главной задачей словаря (ср., например, возможность объяснения разворачивания полисемии в так называемых исторических словарях³), однако и в тех случаях, когда такая задача не ставится, наличие этих связей подразумевается, поскольку именно они формируют как семантический «портрет» слова, так и представление о его семантическом развитии, о его «биографии».

Слово *coqueluche* практически всеми словарями французского языка описывается одинаково. В его структуре выделяются два значения: 1) инфекционная болезнь, для которой характерен конвульсивный кашель; 2) человек, которого очень высоко ценит достаточно большая группа людей (ср., например: 'être la coqueluche de: être aimé, admiré de. «*Beau, vigoureux, gaillard, la coqueluche des femmes*» France' [PR]⁴). Установить связь между этими значениями ('название болезни' — 'положительно оцениваемый человек') представляется крайне затруднительным, хотя хорошо известно, что в языках существует перенос 'название болезни' — 'отрицательно оцениваемый человек' (ср., например, франц. *peste* 'чума', *choléra* 'холера', *gale* 'чесотка', *teigne* 'лишай', употребляющиеся применительно к человеку и указывающие на отрицательную оценку этого человека).

Поскольку семантическая связь между двумя зафиксированными в словарях значениями слова *coqueluche* не просматривается, остается возможность объяснить ее наличие обращением к этимону, которая и представлена во французской лексикографии.

Этимологические словари, хотя и с осторожностью, возводят корень существительного *coqueluche* к латинскому *cucullus* 'капюшон' [Dubois, Mitterand, Dauzat

¹ «Le dictionnaire est interrogé, consulté; il n'est pas lu» [Dubois 1971: 11].

² Говоря об этимоне, я имею в виду значение слова, которое является результатом этимологического исследования.

³ См., например, для французского языка: [DHLF].

⁴ Употребляясь в этом значении, слово *coqueluche* присоединяет актант 'большая группа людей' при помощи предлога *de*. В словаре [TLF] отмечаются также очень редкие употребления, когда в качестве ценного объекта выступает не человек, а неодушевленный объект: *Le bridge a été la grande coqueluche des camps*. Здесь и далее в тех случаях, когда при цитировании словаря страница не указывается, отсылка дается к заголовочному слову.

1993; Baumgartner, Ménard 1996)⁵. Что же касается форманта *-(l)uche*, то его появление объясняется влиянием со стороны слова *capuche*⁶.

Таким образом, во французской лексикографии принято выделять в качестве первоначального значения существительного *coqueluche* («sens ancien» в: [DHLF I]) ‘головной убор’.

Действительно, в материалах Р. Мартэна (R. Martin), охватывающих период с 1425 по 1485 г., отмечено 4 примера, в которых интересующее нас слово имеет значение ‘головной убор’ («bonnet en forme de capuchons»), хотя контексты не дают возможности выявить точно, какой именно: 1) «et sans aucune occasion que ledit suppliant seust, icellui Oebes eust gectée sa coqueluche contre lui par grant yre et despit»; 2) «Mais il te conviendrait avoir Une gentise cocqueluche: Tu sembleroys maistre Panchuche, Le borreau d’une bonne ville»; 3) «Nappes et doubliers et aultre linge. Primo, ung drap de deux lez, petit, sans pareil (...) Item, une quoqueluche de drap brun violet bien usée»; 4) «J’affulleray ma capeluche⁷ Et vestiray mon haubregon Qui vault mieux qu’une coqueluche» [DMF]⁸.

В этом же лексикографическом источнике присутствует слово *coqueluchon* в значении ‘капюшон’; самая ранняя его фиксация датирована 1490 г.

⁵ В [Baumgartner, Ménard 1996] прямо говорится об отсутствии надежной этимологии. Некоторые словари устанавливают родство между *coqueluche* и *coquille*, см., например, в [PR]; ср. уклончивую формулировку в [DHLF I], когда указание на связь данных слов сопровождается признанием такого переноса «необъяснимым»: «Il est cependant possible que *coqueluche* soit formé d’après *coque* ou *coquille*, mais au terme d’un processus inexpliqué». Согласно [Pokorny, № 1748], лат. *cucullus* относится к группе слов, которые восходят к и.-е. корню *(s)keu-*, *(s)keuə:(s)kū-* со значениями ‘прятать’, ‘оборачивать’, ‘накрывать’.

⁶ Суффикс *-uche/-uch(on)* в лексикографических источниках может сближаться с суффиксами *-iche/-ich(on)* [PR: 2800]. В [TLF] в статье *-uche* отмечается, что данный суффикс, присоединяясь к основам имен существительных, образует существительные женского рода, содержащие в своей семантической структуре уничижительную оценку. Данный формант относится к числу языковых единиц, характерных для арго; что же касается его появления в текстах, то [TLF] датирует первую фиксацию 1507 г., выделяя ее в составе слова *capuche*. Такой же точки зрения придерживается и [DHLF I]. Однако, как следует из корпуса примеров [DMF], относящихся к более раннему времени (1300–1500), существительные *coqueluche*, *coqueluchon*, *capeluche* и имя *Panchuche* фиксируются в текстах раньше, уже с XV в. Таким образом, если и предполагать наличие связи между словами *capuche* и *coqueluche*, то следует предположить обратный вектор влияния.

⁷ Известно, что слово *cucullus* обозначало вид верхней одежды, плащ с капюшоном [Dictionary of Greek and Roman Antiquities 1890: 571], прежде всего монашеский, имевший своим прообразом шлем средневекового воина (см. [Пичхадзе 1993]). Точно также, видимо, и слово *capeluche* могло использоваться для названия верхней одежды с капюшоном. Ср. еще франц. *béret* (‘берет’), восходящее к лат. *birrum* (‘короткий плащ с капюшоном’), которое функционировало, в частности, как синоним к *cucullus* [Dictionary of Greek and Roman Antiquities 1890: 299], а также *куколь* ‘верхняя одежда, плащ с капюшоном’ и ‘монашеский головной убор (в виде капюшона, покрывала) у принявших схиму’ [СРЯ XI–XVII, 8: 112] или диал. *куклянка* ‘верхняя одежда из оленьих шкур длиною ниже колен, с широкими рукавами и капюшоном’ [Аникин 2000].

⁸ Заметим, что в этом же словаре приводится пример, относящийся к чуть более раннему времени, где интересующее нас слово имеет значение ‘военный головной убор’: «deux coqueluches de Jannes [de Gènes] pour arbalestriers» [DMF].

Именно существительное *coqueluchon* находим в ранней лексикографической традиции (XVI — начало XVII в.). Согласно словарю Робера Этьенна, данное существительное служило названием капюшона женского плаща, защищавшего от дождя, а также названием самого плаща, ср.: «Le Coqueluchon d'une carpe, et la carpe que les femmes portent sur leur teste pour la pluye, cucullus, cucullio» [Estienne 1549]⁹. Это определение перенес в свои словари и Жан Нико, пользовавшийся трудами Робера Этьенна как одним из источников [Nicot 1573; 1606].

Однако в словарях конца XVII в. номинация *coqueluchon* уже не связывается ни с плащом, ни с женским головным убором. Так, согласно словарю Фюретьера [Furetière 1690], речь идет о монашеском головном уборе («*capuchon de Moine*»), который шьется из грубой шерстяной материи («*de grosse bure*»). Фюретьер также отмечает, что этот капюшон может быть остроконечным («*en pointe*») и круглым («*en rond*»). В первом издании Словаря Французской академии [DAF 1694, I] содержится уже наряду со словом *coqueluchon* существительное *coqueluche*, которое толкуется через синоним *capuchon*. При этом отмечается, что слово *coqueluchon* употребляется только в шутку («*Coqueluchon de Moine. il porte un coqueluchon. il y a bien de la malice sous ce coqueluchon là. Il ne se dit guere qu'en raillerie*»), а слово *coqueluche* вообще вышло из употребления («*il est vieux*»).

В дополнительных материалах к историческому словарю французского языка Фредерика Годфруа [Godefroy IX] фиксируются оба слова: существительное *coqueluchon* определяется как вообще головной убор («*sorte de capuchon*»), а существительное *coqueluche* — как головной убор, который носят только женщины («*sorte de capuchon que portent les femmes*»)¹⁰. На то, что к XVII в. слово *coqueluchon* в данном значении могло использоваться лишь иронически, в шутку, указывают авторы словаря французского языка XVII в. [DFC]¹¹.

Итак, ранние фиксации слова *coqueluche* говорят о том, что оно употреблялось для обозначения какого-то головного убора. Как же связано это значение с системой многозначности слова? В большинстве словарей значение 'головной убор' упоминается как мотивирующее для значения 'человек, которого положительно

⁹ В этом словаре латинского языка Робер Этьенн различает слова *cucullus* и *cuculio*. Описание этих слов восходит к словарю Амброзия Калепина (Ambrosii Calepini Dictionarium 1546 г.). Существительное *cucullus* толкуется со ссылкой на Луция Колумеллу — как некий вид верхней одежды («*genus est vestis*»), предохраняющий от ветра, холода и дождя, кроме того, в тексте словарной статьи Этьенн приводит цитаты из сатир Ювенала: «*Sumere nocturnos meretrix augusta cuculos*» (Сатира 6) и «*contentesque illic veneto, duroque cucullo*» (Сатира 3, 170; ср. в переводе Д. С. Недовича: «там, где довольны простой, из грубой ткани накидкой» [Ювенал 1937]). Существительное *cuculio* толкуется со ссылкой на Юлия Капитолина как головной убор: «*est genus pilei viatoriu, quo capite oblecto vagari nocte solent*».

¹⁰ В основном корпусе словаря присутствует только слово *coqueluche* в значении 'головной убор духовенства' («*coiffure ecclésiastique*») [Godefroy II].

¹¹ Ср. «*Ne s'employait que par plaisanterie*» со ссылкой на первое издание Словаря Французской академии. В 1762 г. была издана книга, посвященная, главным образом, истории монашеских одеяний. В начале этой книги описываются головные уборы, по названию которых озаглавлена вся книга (см. [CAJOT (Dom)]. *Histoire critique des coqueluchons*. Cologne [Metz, Collignon], 1762).

оценивает большая группа людей'. Этот переход плохо соотносится с хронологией употребления слова: фактически оно употреблялось лишь в XV в., да и то довольно ограниченно. Что же касается значения 'положительно оцениваемый человек', то оно появляется только в XVII в. В качестве обоснования данного перехода словари ссылаются на семантическое развитие слов *coiffe* и *béguin*.

1) Существительное *coiffe* считается заимствованием из поздней латыни. Согласно [DHLF I] и этимологическим словарям [Dubois, Mitterand, Dauzat 1993; Baumgartner, Ménard 1996; Picoche 2002], оно, являясь германизмом, фиксируется во французском языке с XI в. От данного существительного был образован глагол *coiffer*, фиксирующийся с XIII в. Этот глагол, обозначавший 'надеть на голову', к XVI в. развил значение 'внушить кому-л. определенное представление о чем-л.' ('séduire qqn, en lui mettant une idée en tête' [DHLF I]). В это же время формируется переносное значение конверсивных выражений *être coiffé*, *se coiffer de* 'быть привязанным к кому-л.', 'испытывать привязанность к кому-л.'

2) Существительное *béguin* является вторичным по отношению к *béguine*, которое не имеет очевидной этимологии. Согласно [DHLF I], в исторической перспективе оно восходит к средненидерландскому *beg(g)aert*, *bagaert*, семантика которых предположительно связывается с глагольным значением 'произносить (молитвы)' (ср. фламандское *beggelen* 'громко говорить'). С XIII в. слово *béguine* являлось обозначением для членов религиозного сообщества бегинок. Существительное *béguin*, применяясь к лицам мужского пола, имело, как отмечает тот же словарь, скорее уничижительную оценку¹². Предполагается, что бегинки носили чепец из белой ткани, надевавшийся под верхний головной убор, и в этом значении слово *béguin* стало активно употребляться в XIV в. Впоследствии произошло расширение данного значения, и слово *béguin* начали применять к другим видам женского головного убора и к детскому чепчику. Наконец, в середине XVI в. фиксируется глагол *embeguiner*, прямое значение которого ('надеть чепец') достаточно быстро уступило место переносному 'обмануть' (ср. русск. *околтачить*). В конце XVIII в. в текстах появляется выражение *avoir un (le) beguin pour qqn* 'быть влюбленным в кого-л.'

В эту же перспективу словари пытаются вписать и выражения *se toquer de* 'быть влюбленным в кого-л.' (с XVI в.) и отмеченное в том же значении в середине XIX в. *être toqué de*, связывая его с существительным *toque*, которое служило в XV и XVI вв. названием для круглой шапочки (ср. *toque de page*) [DHLF III]. Существительное *toque* не имеет общепринятой этимологии. Согласно [Dubois, Mitterand, Dauzat 1993], оно соотносится с испанским *toca* и с итальянским *tocca* ('шелковая ткань'). Вместе с тем связь данного существительного с глаголами *toquer* ('ударять') и *se toquer* неочевидна. Скорее всего, глагол *toquer*, как и глагол *toucher*, имеет звукоподражательное происхождение (ср. *toc* 'удар').

К ряду *être coiffé*, *se coiffer de*, *embeguiner*, *se toquer de* и *être toqué de* близок по семантике и глагол *s'entêter de* ('вбить себе в голову' > 'увлечься чем-л.').

¹² Следует заметить, что пара *béguin* — *béguine* могла использоваться для обозначения ханжи — человека, только прикидывающегося набожным.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что во всех перечисленных случаях смысл ‘внушить кому-л. что-л.’, ‘увлечься кем-л. или чем-л.’ формируется на основе глагола. Существительное *coqueluche* не вписывается в эту модель, поскольку не существует глагола *coquelucher* с похожей семантикой. Таким образом, языковой материал, который приводится во французских словарях, не может служить типологической аналогией для развития многозначности слова *coqueluche*. Признать наличие подобного семантического развития внутри этого существительного — значит признавать существование модели прямого перехода ‘головной убор’ — ‘положительно оцениваемый человек’, примеров на которую не находится, хотя названия головных уборов, благодаря метонимическому переносу, служат для номинации человека (ср. широко представленные в языках переходы ‘головной убор’ — ‘человек в данном головном уборе’ или ‘головной убор, ношение которого обязательно или свойственно определенной группе людей’ — ‘человек, относящийся к этой группе людей’).

Особого упоминания требует комментарий к слову *coqueluche*, представленный в книге французского врача и ученого XVII в. Пьера Бореля «*Tresor de recherches et antiquitez gauloises et françoises*» [Borel 1655]. Упомянув значение ‘монашеский головной убор’ в статье *coqueluche*, Пьер Борель ссылается на Франсуа Рабле. Эта же информация содержится в словаре [Trévoux II], где сообщается, что в Библиотеке монастыря святого Виктора была книга, которая называлась «Монашеский головной убор» («Il y avait dans la Bibliothèque de St. Victor à ce que dit Rabelais, un livre, intitulé la coqueluche des Moines»). Речь идет о VII главе книги о Пантагрюэле, в которой рассказывается, как главный герой прибыл в Париж. В описи библиотеки монастыря святого Виктора значится труд, озаглавленный «*La coqueluche des moines*»¹³. Вместе с тем в более поздних комментариях к этому фрагменту содержится гипотеза, согласно которой речь идет о словесной игре, основанной на наличии, с одной стороны, клише *la coqueluche des moines* (т. е. «монашеский капюшон»), а с другой стороны, названия болезни *coqueluche*, в данном случае ассоциативно связанной с заболеванием, известным как *rhume ecclesiastique*, иначе говоря, сифилисом («*Coqueluche signifioit en effet capuchon, mais il signifioit aussi rhume <...> il se pourrait bien que Rabelais entendit ici par la coqueluche des moines ce que nous appelons aujourd’hui un rhume ecclesiastique*» [Rabelais 1823: 207]¹⁴).

¹³ В переложении на современный французский язык название этой книги передается как «*La saruche des moines*» [Rabelais 1964: 118]. Ср. в русском переводе Н. Любимова: «Монашеский капюшон» [Рабле 1981: 136].

¹⁴ Этот комментарий хорошо согласуется с известным представлением о свойственном Рабле смешении «верха» и «низа». Ср. определение *rhume ecclesiastique* в словаре 1786 г.: «*Mot satyrique qui signifie la grosse vérole ou le mal de Naples*» [Leroux 1786: 419]. По поводу названия книги из монастырской библиотеки комментаторы также пишут, что это насмешка одновременно и над капюшоном монахов, и над их ночными похождениями, последствиями которых и был «злочестьственный насморк» («*méchant rhume*»), который, как замечают комментаторы, оставался с монахами и тогда, когда они снимали капюшон («*qui [...] ne les quittoit non plus qu’il abandonnoient leur capuchon*») [Rabelais 1823: 207].

Слово *coqueluche* как элемент медицинского словаря фиксируется в самом начале XV в., т. е. несколько раньше, чем оно фиксируется в качестве элемента вестиментарной номенклатуры. В уже цитированных комментариях к книге Рабле приводится фрагмент хроники от 6 марта 1413 г., в которой указывается, что некое слушание с участием адвоката было отменено («Ce jour n'a point été plaidoyé ne n'avoit aucun advocate ne partie»), поскольку, как сообщается на полях, этот адвокат был болен («La coqueluche pour laquelle n'a esté plaidé») [Rabelais 1823: 207]. Эти сведения соответствуют данным лексикографических источников, в которых, начиная с работ Жилия Менажа [Ménage 1750: 413], цитируется знаменитый историк XVII в. де Мезерай (François Eudes, sieur de Mézeray), который во второй книге истории Франции сообщает, что в феврале и марте 1414 г. многие адвокаты и проповедники страдали от болезни, получившей название *coqueluche*. Скорее всего, речь идет именно о вспышке болезни, известной и нам как *коклюш*. Согласно описаниям, это заболевание выражалось, в частности, в том, что больные не могли говорить, а только хрипели («un étrange rhume qu'on nomme coqueluche tourmenta toutes sortes de personnes durant le mois de fevrier et de mars et leur rendit la voix si enroué que le barreau, les chaires et les colleges en furent muets»; ср. также в [Trévoux II: 221]). Сведения об этой болезни содержатся также в словаре Пьера Бореля, который прямо называет ее эпидемической («épidémique») и сообщает, что в 1557 г. она унесла много жизней. Пьер Борель цитирует строки поэта Гийома Дюбуа (Кретэна, 1460–1525)¹⁵: «Pareillement m'avertis si tous ceux / De ton quartier ont esté si tousseux, / Comme deça on va coqueluchant» [Borel 1655: 49].

Тут будет уместно обратиться к латыни. Латинское название болезни *коклюш* — *cucullus morbus*. В латинском языке, как хорошо известно, есть существительное *cucullus* ('головной убор'; ср. в: [Дворецкий 1976: 275] 'чепец, капюшон') и *cuculus* 'кукушка'; в [Дворецкий 1976: 275] сообщается также, что данное слово может, хотя и редко, писаться как *cucullus*. Таким образом, *cucullus morbus* могло с формальной точки зрения соотноситься с обоими омонимами, т. е. восприниматься как «капюшонная» или «кукушечная» болезнь.

По всей вероятности, во французской лексикографической традиции возобладало именно первое понимание. Однако требовалось объяснить, как возникло название «капюшонная болезнь», и именно в связи с этой задачей возникает миф о капюшоне как неперемennom атрибуте больного. Первые объяснения, в которых название болезни производится от названия головного убора, появляются в XVI в. Историк Этьенн Паскье (Etienne Pasquier, 1529–1615) полагал, что неизвестно, как возникло название болезни *coqueluche*. Обратившись к происхождению данного термина, он объяснял, что иногда слова возникают совершенно случайно, а затем получают хождение среди людей, хотя те и не отдают себе отчета в том, когда и почему это слово появилось («Il y a des mots qui naissent entre nous par hazard, et auxquels le peuple donne cours sans sçavoir pourquoi, ny comment») [Pasquier 1596: 332v]. В XVII в. появляется объяснение Филибера Моне (Philibert Monet,

¹⁵ Этот автор известен особым способом рифмовки, основанным на омонимии (так называемая «каламбурная» рифма — *rime équivoquée*).

1566–1643), утверждавшего, что больные показывались на людях исключительно в капюшонах («les premiers atteints de ce mal paroisoient couvers de coqueluche») [Monet 1636]. Жиль Менаж также связывал название болезни с тем, что больные, опасаясь переохлаждения, носили капюшоны [Ménage 1750: 413]. Впоследствии это объяснение начинает кочевать из словаря в словарь, и общим местом становится объяснение развития нового значения или как перенос ‘головной убор, который носит больной’ — ‘болезнь’, или же, в несколько иной интерпретации, ‘головной убор’ — ‘голова’ — ‘болезнь, имеющая основным симптомом головную боль’; ср. не содержащее критики изложение этих гипотез в [DHLF I]¹⁶.

Однако даже краткий обзор данных других языков показывает, что название болезни следует возводить не к *sicullus* ‘капюшон’, а к его омониму *siculus* ‘кукушка’. В древнегреческом языке представлено название птицы *κόκκυ* (‘кукушка’), а также глагол *κοκκίζω* (‘издавать пронзительный звук’); ср. произведенное от него существительное *κοκκισμός* (‘пронзительный звук’), а также новогреческое название болезни *κοκκύτης*. Примечательно, что и глагол *κοκκίζω* и звук *κοκκισμός* имеют в качестве субъекта действия кукушку или петуха [Bailly 1895].¹⁷ Как следует из данных, представленных в этимологическом словаре [Meyer-Lübke 1935], лат. *siculus* переосмыслялось в романских языках как название либо для кукушки, либо для петуха¹⁸. Следует заметить также, что приступообразный кашель мог называться по-французски *chant du coq* [DHLF I: 890]. Упоминание сравнения кашля с криком петуха как источника для названия болезни представлено в современных этимологических словарях (см., например, в [Dubois, Mitterand, Dauzat 1993] или [Picoche 2002]), однако лишь как вторичное влияние, наложившееся на первичную этимологию, возводимую к значению ‘капюшон’. В [PR] компонент ‘крик петуха’ включен в толкование: ‘maladie contagieuse, caractérisée par un toux convulsive, évoquant le chant du coq’ (‘инфекционная болезнь, для которой характерен конвульсивный кашель, напоминающий крик петуха’). Более того, в этом словаре толкованию значения предпослан комментарий: ‘d’après coq à cause de la toux’ (‘от coq из-за кашля’). Однако ссылка на крик петуха никак не повлияла на общую трактовку этимологии слова и структуры его многозначности.

Название болезни *coqueluche* изначально являлось, по всей видимости, народным. Согласно исследованиям в области истории медицины, она была впервые

¹⁶ «On peut supposer que le nom de la maladie lui vient de ce qu’elle s’en prend directement à la tête et que des nombreux malades se couvraient d’un capuchon, ou bien la sentaient lourde et chaude comme s’il avaient porté un capuchon». Эта же семантическая связь упомянута в [Baumgartner, Ménard 1996; Dubois, Mitterand, Dauzat 1993]. В [Picoche 2002] этот переход признается «не доказанным».

¹⁷ Крик петуха воспринимался, видимо, наряду с гребешком (его формой и цветом) как яркая особенность этой птицы, вошедшей в «народную орнитологию». Само слово *coq* считается звукоподражательным (ср. также русск. *петух*, произведенное от глагола *петь*).

¹⁸ Следует отметить также, что болезнь, которую мы называем *коклюш*, может в других языках ассоциироваться с криком какого-л. животного; ср., например, англ. (*w*)*hooping-cough* (от франц. *hippe* ‘удод’), итал. *tosse canina* («собачий кашель»; ср. русск. *лающий кашель*), болг. *магарешка кашлица* («ослиный кашель»).

описана в 1578 г. после случившейся в Париже эпидемии коклюша врачом, деканом медицинского факультета Парижского университета Гийомом де Байю (Guillome de Baillou) под названием *tussis quinta*, *tussis quintana*¹⁹ [Coste 2011: 103, 105–109].

Вместе с тем в ранних лексикографических источниках содержатся сведения о другой эпидемической болезни, носившей, по всей видимости, такое же название. Эта болезнь, судя по свидетельствам, ярко проявила себя после вспышки коклюша начала XV в. и до эпидемии коклюша конца XVI в. Характерно, что в перечне симптомов этой болезни, упоминавшихся в лексикографических источниках, не значится кашель. Основными ее проявлениями признаются головные боли, сильный насморк, ломота в теле и понос, ср.: «maladie de teste avec rhume et destillation qui cause une maladie populaire et pestilente» [Furetier 1690], «espece de maladie populaire, qui est une espece de rhumatisme²⁰ qui attaque la teste et les espaules» [DAF 1694]. В хронике Энгерана Монстреле (Enguerrand de Monstrelet; около 1400–1453) сообщается об эпидемической болезни, унесшей жизни многих людей во Франции и других странах, проявлявшейся в сильнейших головных болях («et adonc régnoit par toutes les parties du royaume de France et en divers autres pays une maladie générale qui se tenoit en la tête, de la quelle moururent plusieurs personne, tant vieux que jeunes et se nommoit icelle la coqueluche») [Buchon 1836: 332]. Описания этой болезни, выполненные врачами XVI в., использовал в своем словаре Э. Литтре [Littré]. Так, например, знаменитый хирург Амбруаз Паре (Ambroise Paré, 1517–1590) сообщает, что известен случай эпидемии коклюша («accident de peste appelé coqueluche»), когда больные страдали от сильнейшей мигрени, болей в желудке, ломоты во всем теле и высокой температуры с бредом («ceux qui en estoient esprins sentoient une extreme douleur de teste, et à l'estomach aux reins et aux jambes, avec fièvre continue et souvent avec delire et frenesie»). В статье *peste* Литтре также цитирует Паре, который, объясняя смысл понятия «эпидемия», замечает, что эпидемические болезни носят разный характер, о чем свидетельствует множество названий таких болезней. В списке, составленном Паре, фигурирует и болезнь *coqueluche* («fièvre pestilente, saquesangue, coqueluche, sуетte, trousse-galant, bosse, charbon, pourpre et autres»). Этьенн Паскье, высказывание которого также приводит Литтре, утверждает, что в 1557 г. наблюдалась эпидемия, при которой больные страдали сильнейшим насморком, головными болями и температурой («le nez destilloit sans cesse comme une fontaine avec un grand mal de teste et une fièvre qui duroit aux un douze, aux autres quinze heures»). Интересно, что Паскье считает название *coqueluche* новым, возникшим именно в связи с этой эпидемией («la quelle maladie fut depuis par un nouveau terme appelé par nous coqueluche») [Pasquier 1596: 375].

Таким образом, можно предположить, что начиная с XV в. название *coqueluche* имело два разных употребления в медицинском словаре. В первом употреблении

¹⁹ Ср. также термин *fièvre quinte*, возникновение которого связывается с описанием коклюша, выполненным де Байю, согласно которому кашель возвращается каждые пять часов [DHLF III: 3046].

²⁰ В XVI и XVII вв. словом *rhumatisme* назывались такие проявления, как сильный насморк и ломота тела [DHLF III: 3245].

оно называло болезнь, для которой характерен приступообразный кашель (и, видимо, именно в связи с этим характерным симптомом в начале XV в. и возникло данное название). Во втором употреблении оно служило названием для некоего эпидемического заболевания, имевшего место в XV–XVI вв. Согласно [DAF 1694 I], впервые эпидемия под названием *coqueluche* была засвидетельствована при Людовике XII (1498–1515). Однако, судя по описанию Энгера Монстреле, похожее заболевание имело место во Франции и ранее, в начале XV в., когда, видимо, на него и было распространено название *coqueluche*. В качестве гипотезы можно предположить, что речь идет об остром инфекционном заболевании, получившем позже, уже во второй половине XVI в., название *sуетте* (*sueur anglaise*, *английский пот* или *английская чума*). Как считают исследователи, в XV–XVI вв. Англия, а также некоторые другие европейские страны пережили 6 эпидемий этой болезни, загадочным образом не перешагнувшей рубежа XVI в.²¹ Для нее характерны сильная головная боль, а также боли в шее, плечах и конечностях, желудочно-кишечные явления. В ходе дальнейшего развития заболевания появляются горячка, сильнейший пот, учащение пульса и бред [БМЭ 1935: 57–58]. Эта картина хорошо соотносится с описаниями, содержащимися в упоминавшихся уже текстах того времени. Возможно, базой для перенесения названия с одной болезни на другую послужил именно эпидемический характер обоих заболеваний²².

Таким образом, следует признать, что слово *coqueluche* впервые засвидетельствовано в начале XV в. именно как элемент народной медицинской номенклатуры. Оно является омонимом слова *coqueluche*, восходящего к лат. *cucullus* ('плащ с капюшоном', 'капюшон') и фиксирующегося в текстах чуть позже. Происхождение названия болезни следует связывать с метафорой кашля как сиплого звука, напоминающего петушинный крик, что вполне соотносится с существующей типологией «наивных» названий болезней, поскольку исследователям хорошо известны номинации, возникшие как перенос 'название животного' — 'название болезни', в основе которого лежит осмысление какого-либо свойства животного как симптома (ср., такие названия болезней, патологий и физиологических реакций, как русск. *волчанка*, *волчья пасть*, *заячья губа*, *жаба*, *куриная слепота*, *петушинная походка*, *рак*, *тюленья лапа*, *гусиная кожа*, *мурашки*; о типологии названий болезни см., например, в [Меркулова 1969; 1972; Агапкина, Усачева 1995; Пашкова 2008]).

Теперь следует вернуться к значению 'положительно оцениваемый человек'. Согласно [DHLF I], оно фиксируется с 1625 г.²³ Словарь [Trévoux II: 222] припи-

²¹ Считается, что впервые эта болезнь засвидетельствована в Англии в 1485 г., во времена Генриха VII. Следует заметить, что войско, с которым он высадился в Уэльсе, состояло из французских и бретонских наемников. Нельзя исключать, что первые случаи эпидемии имели место вне Англии в более ранние времена.

²² В восприятии носителей языка эпидемический характер заболевания, по всей видимости, осознается через большое количество смертей. Известно, что слово *peste*, появляющееся во французском языке во второй половине XV в., на протяжении долгого времени применялось ко всем случаям заболеваний с высоким уровнем смертности [DHLF III: 2685].

²³ См. также в: [Brunot III: 226].

сывает первое употребление слова *coqueluche* применительно к человеку Жану де Лабрюйеру (*Les Caractères*, V, 66: «vous étiez la coqueluche et l'entêtement de certaines femmes»²⁴), замечая, что оно является «очень своеобразным» («fort singulier»). В лексикографии впервые описано в качестве переносного в первом издании DAF (1694). В XVIII в. постепенно складываются ассоциации между данным значением, названием болезни и названием головного убора. Они возникают, по всей видимости, благодаря толкованиям, в которые втягивается выражение *être coiffé* (de qn.); ср., например, в четвертом издании DAF: «On dit figurément familièrement et par allusion à la coqueluche dont on se coiffoit, qu'une personne est la coqueluche de la cour, de la ville, du quartier, pour dire, qu'elle est fort en vogue»²⁵ [DAF 1762, I] или же в словаре Жана-Франсуа Феро: «tout le monde en est coiffé: allusion à la coqueluche dont on se coiffoit aûtrefois»²⁶ [Féraud I].

Полностью концепция, в которой все три значения ('капюшон', 'коклюш' и 'любимец кого-л.') соединены в единое семантическое пространство, представлена, например, в словаре Шарля Феррана [Ferrand 1880: 117–118]. Автор словаря повторяет вслед за своими предшественниками, что больные коклюшем, желая держать голову в тепле, носили капюшон. Однако, утверждает он, страх смерти не мог пересилить желания выглядеть привлекательно, поэтому богатые люди носили капюшоны из тонкой материи, с вышивкой, разукрашенные серебром и золотом («Et, comme la crainte de la mort elle-même n'est pas assez puissante pour bannir la coquette, les personnes riches portèrent des coqueluches de drap fin, rehaussées de broderies et couvertes d'ornements d'or ou d'argent»). Мода на капюшоны, продолжает Ферран, осталась и после того, как прошла эпидемия, поэтому не следует удивляться, что молодого щеголя, носившего при дворе, в городе или в квартале самый красивый капюшон, метонимически начали называть *la plus belle coqueluche*, откуда и пошел обычай называть просто *la coqueluche* самого популярного человека, всеобщего любимца («Le danger passé, la mode de la coqueluche resta <...>. Il ne faut donc pas s'étonner si, par métonymie, le jeune élégant qui portait la plus belle coqueluche de la cour, de la ville ou du quartier, fut appelé tout court *la plus belle coqueluche* <...>. Finalement, *coqueluche* de la cour, de la ville, du quartier, désigna l'homme à la mode, celui qui faisait tourner la tête aux femmes, et, par extension, la personne dont tout le monde s'entretenait»).

Однако в поисках этимологии *coqueluche* в значении 'положительно оцениваемый человек' следует, видимо, опять обратиться к слову *coq*. Хорошо известно, что это слово, встречающееся во французских памятниках письменности с XII в., вытеснило существительное *jal*, восходящее к латинскому *gallus*. С 1549 г. существительное *coq* встречается в текстах в составе выражения *coq de village* ('самый известный человек в какой-л. группе людей') [DHLF I]; ср. в словаре Нико: «Coq

²⁴ Ср. в русском переводе: «каков же ты был в юности, когда выступал в роли баловня и любимца женщин» [Лабрюйер 1964: 116].

²⁵ «Говорится переносно в разговоре, имея в виду капюшон, что надевали на голову, о том, что человек является любимцем двора, города, квартала, чтобы сказать, что он очень популярен».

²⁶ «Все им увлечены: намек на капюшон, который когда-то носили».

de village, ou de paroisse, Comarchus²⁷, quasi pagi magister, vel princeps» [Nicot 1606] и в первом издании DAF: «On appelle figurément, Coq, Celuy qui est le principal en quelque endroit, qui s’y fait le plus paroistre, soit par son credit, ou par ses richesses. Il est le coq. il fait le coq dans cette assemblée, parmi ces gens-là. il est le coq de son village. C’est un coq de Paroisses» [DAF 1694, I]²⁸. Таким образом, можно предположить, что метафора, основанная на переосмыслении свойств петуха применительно к человеку, возникает именно в первой половине XVI в., что выражается в использовании слова *coq* в данном значении, появлении клише *coq de village* и позднее слова *coqueluche*²⁹. Нельзя также не обратить внимания на тот факт, что в XVI в. суффикс *-uche*, по всей видимости, употреблялся достаточно активно; именно в этот период фиксируются в текстах такие образования, как *guenuche* (‘некрасивая женщина’ от *guenon* ‘обезьяна’; см. [DHLF II]), *perruche* (‘маленькая экзотическая птица’; см. [DHLF II]), *angluche* (‘англичанин’; см. статью *-uche* в [TLF]), *dabuche* (‘король’ от *dab(e)*, возможно, изначально как термин карточной игры; см. [DHLF I]).

Итак, концепция многозначности слова *coqueluche*, согласно которой в этом существительном следует выделять три значения (устаревшее ‘головной убор’, а также ‘коклюш’ и ‘положительно оцениваемый человек’), представленная в современных словарях французского языка, является результатом некритического отношения к лексикографической традиции³⁰. По всей видимости, мы имеем дело с тремя омонимами, два из которых *coqueluche(on)* ‘головной убор’ и *coqueluche* ‘название инфекционной болезни’ возникли в XV в., а третий *coqueluche* ‘положительно оцениваемый человек’ — в XVI в. Если первый омоним можно связывать с лат. *cucullus*³¹, то два последних, очевидно, имеют в качестве мотивирующего существительное *coq*.

Литература

Агапкина, Усачева 1995 — Т. А. Агапкина, В. В. Усачева. Болезнь человека // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. I. А–Г. М., 1995. С. 225–227.

²⁷ Следует отметить, что греч. *κοῖνω* ‘иметь длинные волосы’ могло значить ‘выделяться среди других’, ‘гордиться’ [Bailly 1895].

²⁸ Ср. также описание переносного значения слова *coq* в [Dictionnaire de la conversation 1835: 439], где также отмечается возможность употребления данного существительного применительно к человеку, выделяющемуся своим высоким положением или авторитетом в каком-либо сообществе (преимущественно в городе или приходе), например *coq du bourg*.

²⁹ В XVII в. развиваются особые употребления прилагательного *coquet(te)* (от *coquet* ‘молодой петух’, согласно [DHLF I], отмечается с 1611 г.) применительно к женщине и мужчине в значении ‘такой, который хочет нравиться’.

³⁰ Эта традиция окончательно сложилась, видимо, в XIX в. В XVII–XVIII вв. авторы отдельных словарей выделяли *coqueluche* в значении ‘головной убор’ в отдельную словарную статью (например, так сделано в [DAF 1694, I]).

³¹ Ср., впрочем, существование названий головных уборов, в основе которых лежит сравнение с гребнем на голове птицы, например русск. *кокошник*, диал. *кокуй*.

Аникин 2000 — *А. Е. Аникин*. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., 2000.

БМЭ 1935 — Большая медицинская энциклопедия / Под ред. Н. А. Семашко. Т. 32 (Струп — Туапсе). М., 1935.

Дворецкий 1976 — *И. Х. Дворецкий*. Латинско-русский словарь. М., 1976.

Лабрюйер 1964 — *Жан де Лабрюйер*. Характеры, или нравы нынешнего века / Перевод с французского Э. Линнецкой и Ю. Корнеева. М.–Л., 1964.

Меркулова 1969 — *В. А. Меркулова*. Народные названия болезней, I (На материале русского языка) // *Этимология*. 1967. М., 1969. С. 158–172.

Меркулова 1972 — *В. А. Меркулова*. Народные названия болезней, II (На материале русского языка) // *Этимология*. 1970. М., 1972. С. 143–206.

Пашкова 2008 — *Т. В. Пашкова*. Народные названия болезней в карельском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2008.

Пичхадзе 1993 — *А. А. Пичхадзе*. Кукла и куколь // *Из истории русских слов*. М., 1993. С. 89–92.

Рабле 1981 — *Франсуа Рабле*. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с французского Н. Любимова. М., 1981.

СРЯ XI–XVII, 8 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. Крада — Лящина. М., 1981.

Ювенал 1937 — *Ювенал*. Сатиры / Пер. Д. С. Недович, Ф. А. Петровский. М.–Л., 1937.

Baumgartner, Ménard 1996 — *E. Baumgartner, Ph. Ménard*. Dictionnaire étymologique et historique de la langue française. Paris, 1996.

Bailly 1895 — *M. A. Bailly*. Dictionnaire grec-français. Paris, 1895.

Borel 1655 — *Pierre Borel*. Tresor de recherches et antiquitez gauloises et françoises, reduites en ordre alphabetique. Et enrichies de beaucoup d'origines, epitaphes, et autres choses rares et curieuses, comme aussi de beaucoup de mots de la langue thyoise ou theuthfranque. A Paris 1655.

Brunot III — *F. Brunot*. Histoire de la langue française, des origines à 1900. III, 1–2. La formation de la langue classique (1600–1660). Paris, 1909–1911.

Buchon 1836 — *J. A. C. Buchon*. Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France, avec notices biographiques. Paris, 1836.

Coste 2011 — *J. Coste*. Guillaume de Baillou, Doctor Medicus Parisiensis // *Medicina & Storia*. XI. 2011. 21–22. Firenze. P. 95–111.

DAF 1694 — Dictionnaire de l'Académie Française. I–II. Paris, 1694.

DAF 1762 — Dictionnaire de l'Académie Française. Quatrième éd. I–II. Paris, 1762.

DFC — *J. Dubois, R. Lagane, A. Lerond*. Dictionnaire du français classique. Le XVIIe siècle. Paris, 1992.

DHLF — Dictionnaire historique de la langue française / Sous la direction de Alain Rey. I–III. Paris, 2000.

Dictionnaire de la conversation 1835 — Dictionnaire de la conversation et de la lecture / Sous la direction de William Duckett. T. XVIII. Courage — Cuvier. Paris, 1835.

Dictionary of Greek and Roman Antiquities 1890 — Dictionary of Greek and Roman Antiquities / Ed. William Smith, LLD. William Wayte. G. E. Marindin. London, 1890.

DMF — Dictionnaire du Moyen Français. ATILF — Nancy Université & CNRS. URL: <http://www.atilf.fr/dmf>

Dubois 1971 — *J. et C. Dubois*. Introduction à la lexicographie: le dictionnaire. Paris, 1971.

Dubois, Mitterrand, Dauzat 1993 — *J. Dubois, H. Mitterrand, A. Dauzat*. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris, 1993.

Estienne 1549 — *Robert Estienne*. Dictionnaire françois latin. Paris, 1549.

Ferrand 1880 — *Ch. Ferrand*. Dictionnaire des curieux: complément pittoresque et original des divers dictionnaires. Besançon, 1880.

Féraud I — *J.-F. Féraud*. Dictionnaire critique de la langue française. Tome premier, A–D. Paris, 1787.

Furetière 1690 — *Antoine Furetière*. Dictionnaire Universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts. T. I. Paris, 1690.

Godefroy — *F.-E. Godefroy*. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle et Compléments du dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle. T. I–X. Paris, 1880–1902.

Leroux 1786 — *P. J. Leroux*. Dictionnaire comique, satyrique, critique et burlesque, libre et proverbial. T. II. A Pampelune, 1786.

Littré — *E. Littré*. Dictionnaire de la langue française. URL: <http://www.littre.org>

Meyer-Lübke 1935 — *W. Meyer-Lübke*. Romanisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1935.

Ménage 1750 — Dictionnaire étymologique de la langue françoise par M. Ménage, avec les Origines françoises de M. de Caseneuve, les Additions du R. P. Jacob et de M. Simon de Valhébert, le Discours du R. P. Besnier sur la science des étymologies et le Vocabulaire hagiologique de M. l'abbé Chastelain <...> le tout mis en ordre, corrigé et augmenté par A. F. Jault, <...> auquel on a ajouté le Dictionnaire des termes du vieux françois, ou Trésor des recherches et antiquités gauloises et françoises de Borel, augmenté des mots qui y étaient oubliés, extraits des dictionnaires de Monet et Nicot. T. I. Paris, 1750.

Monet 1636 — *Philibert Monet*. Inventaire des deus langues françoise et latine assorti des plus utiles curiositez de l'un et de l'autre idiome. Paris, 1636.

Nicot 1573 — Dictionnaire françois-latin auquel les mots François, avec les manieres d'user d'iceulx, sont tournez en Latin, par Jacques Dupuys, revu et augmenté par Jean Nicot. Paris, 1573.

Nicot 1606 — *Jean Nicot*. Thresor de la langue francoyse tant ancienne que moderne. Paris, 1606.

Pasquier 1596 — *Estienne Pasquier*. Les recherches de la France. Reveuës et augmentées de quatre Liures. Paris, 1596.

Picoche 2002 — *J. Picoche*. Dictionnaire étymologique du français. Paris, 2002.

Pokorny — *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959. Pokorny PIE Data (University of Texas). URL: <http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/ielex/PokornyMaster-X.html>.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition. Paris, 2013.

Rabelais 1823 — Oeuvres de Rabelais, éd. variorum, augmentées de pièces inédites, des Songes drolatiques de Pantagruel <...> et d'un nouveau commentaire historique et philologique par Esmangart et Eloi Johanneau. T. 3. Paris, 1823.

Rabelais 1964 — *Rabelais*. Pantagruel. Publié sur le texte définitif établi et annoté par Pierre Michel. Paris, 1964.

TLF — Le Trésor de la langue française informatisé. URL: <http://atilf.fr/tlf.html>.

Trévoux II — *F. Delaulne, H. Foucault, M. Clousier*. Dictionnaire universel françois et latin: contenant la signification et la définition <...> des mots de l'une et de l'autre langue <...> la description de toutes les choses naturelles <...> l'explication de tout ce que renferment les sciences et les arts. T. II. Coma — Fyonie. Paris, 1721.

Elizaveta E. Babaeva

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

CONCERNING A CERTAIN LEXICOGRAPHIC MYTH: THE CASE OF *COQUELUCHE*

The present paper deals with the history of the French word *coqueluche*. The author criticizes the tradition of lexicographic description of the word in the French dictionaries of the 16th-21th cc. That tradition implies that the word *coqueluche* has two different meanings, between which no semantic connection can be established, 'coqueluche' (name of disease) and 'everybody's favorite, star'. The etymological information found in dictionaries do not imply the polysemy of that kind as well, because the initial meaning of the word is to be reconstructed as 'headdress'. The author proposes a new approach to explaining the phenomenon: instead of polysemy of the word *coqueluche* one should speak about the homonymy of three different words, appeared about one and the same time. Two of them, *coqueluche(on)* 'headdress' and *coqueluche* 'coqueluche', had arisen in the 15th c., while the third one had arisen in the 16th c. The former homonym can be associated with Latin *cuchullus*, while the latter two are evidently motivated by the noun 'coq' which has numerous connotations. The paper is based upon historico-semantic and etymological approaches. The great number of lexicographic facts as well as numerous documents on the history of medicine and the history of clothing were collected and used in the paper.

Keywords: lexicology, semantics, meaning of words, lexical history, Begriffsgeschichte, diachrony, etymology, lexicography, polysemy, homonyms.